
ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Исполнившееся 29-го января 1887 г. пятидесятилѣтіе со дня кончины Пушкина вызвало много воспоминаній о великомъ поэтѣ, и въ числѣ ихъ нѣсколько статей, замѣтокъ и писемъ также и о его перстнѣ, извѣстномъ подъ именемъ „талисмана“. Перстень этотъ имѣлъ выдающееся значеніе въ жизни и произведеніяхъ Пушкина, который связывалъ съ нимъ личныя воспоминанія и суевѣрныя примѣты:

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

„Примѣты“, 1829 г.

Значеніе, которое Пушкинъ придавалъ перстню, представляетъ поводъ разобраться въ массѣ ошибочныхъ и вымышленныхъ извѣстій послѣдняго времени о немъ и подробно рассказать о его судьбѣ и похожденіяхъ.

Рядъ извѣстій о перстнѣ начался статьею С. Л.: „Портреты Пушкина“ въ „Новостяхъ“, 30-го января 1887 г., № 29. Въ выпискѣ къ этой статьѣ авторъ мимоходомъ объяснилъ, что Пушкинъ, умирая, подарилъ „талисманъ“ Данзасу. Это невѣрное извѣстіе, заимствованное, вѣроятно, у Аммосова, который записалъ его будто бы со словъ самого Данзаса („Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина“), вызвало нѣсколько писемъ и возра-

женій ¹⁾. Не будемъ, однако, разбирать ихъ и опровергать заключающіяся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ невѣрныя свѣденія, — это было бы скучно и длинно, а ограничимся въ настоящемъ случаѣ лишь немногими необходимыми поправками.

Происхожденіе и первоначальная судьба перстня неизвѣстны. Въ 1823 или 1824 г., онъ былъ приобрѣтенъ, вѣроятно, въ качествѣ талисмана, графинею (впослѣдствіи княгинею) Елизаветою Ксаверіевою Воронцовой, урожденною графинею Браницкою. Мужъ ея, графъ (впослѣдствіи князь) М. С. Воронцовъ, 7-го мая 1823 г., былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ бессарабской области. Пушкинъ, состоя на службѣ въ Кишиневѣ, при генералѣ Инзовѣ, исправлявшемъ должность намѣстника, находился тогда въ Одессѣ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, П. В. Анненкова, стр. 213). Вслѣдствіе перемѣщенія центрального управленія въ Одессу, Пушкину представился благоприятный случай перейти туда на службу, и онъ переселился въ Одессу въ іюль 1823 г. Къ этому періоду жизни Пушкина относится цѣль стихотвореній, посвященныхъ памяти г-жи Ризничъ, жившей тогда съ мужемъ въ Одессѣ и умершей въ 1825 г. въ Италіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“; „Ненастный день потухъ“; „Ночь“ (1823 г.); „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ (1826 г.); „Воспоминаніе“ (1828 г.); предпоследняя строфа „Изъ путешествія Онѣгина“: „А только-ль тамъ очарованій?“ (1827 г.); „Разставаніе“; „Заблинаніе“; „Для береговъ отчизны дальней“ (1830 г.). Въ іюль же 1823 г. пріѣхалъ въ Одессу князь Воронцовъ съ семействомъ, и Пушкинъ сдѣлался однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей его гостепріимнаго дома. Здѣсь, на дачѣ, бывшей Рено, живописно расположенной въ двухъ верстахъ отъ города —

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ

На пустынные скалы,—

княгиня Воронцова подарила Пушкину перстень, по поводу ко-

¹⁾ Въ „Новомъ Времени“ 5—8, 17-го марта, 29-го и 30-го апрѣля, 4-го и 5-го мая, №№ 3956—3959, 4009, 4010, 4014 и 4015: два письма Ольги Смирновой, корректурная поправка къ ея первому письму; письма Б. А. Данзаса, Василія Пассека и Л. съ примѣчаніемъ редакціи и объясненіемъ Я. К. Грота: „Конѣцъ похождения перстня Пушкина“, В. П. Гаевского; письмо Я. К. Грота о подписи на перстнѣ, переведенной Д. А. Хвольсономъ, и корректурная поправка къ этому письму. Въ „Новостяхъ“ 28—30-го апрѣля, №№ 114—116: письма И. Гальперина-Каменскаго, В. Н. Герарда и извлеченіе изъ письма Л. съ повтореніемъ объясненія Я. К. Грота. Въ „Петербургской Газетѣ“, 30-го апрѣля и 5-го мая, №№ 116 и 121: „Отъѣзды дня“, Руслана, и замѣтка: „Договорились!“

торого онъ написалъ извѣстное стихотвореніе „Талисманъ“¹⁾. Оно, какъ говоритъ Анненковъ въ примѣчаніи къ этому стихотворенію, относится къ 1824 г., судя по стихамъ:

Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчить мой талисманъ;

но окончательно отдѣлано въ 1827 г. („Сочиненія Пушкина“, изд. 1855 г., т. 2, стр. 438); впервые же напечатано въ „Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ“, альманахѣ на 1828 г., изданномъ А. И. (Ардалиономъ Васиі. Ивановымъ).

Княгиня Воронцова, дая Пушкину перстень, сама считала его талисманомъ и вѣрила въ его волшебную силу. Вѣра во все чудесное и сверхъестественное, всегда легко распространявшаяся въ полубразованныхъ обществахъ, никогда не была у насъ такъ сильна, какъ въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка. Высшее общество увлекалось масонствомъ и различными мистическими ученіями; литература преимущественно вращалась въ области сверхъестественнаго и чудеснаго, и міръ духовъ и привидѣній, перенесенный въ нашу литературу Жуковскимъ и его подражателями, пользовался большимъ успѣхомъ среди невзыскательныхъ читателей. Въ Англии, гдѣ жили Воронцовы до переселенія въ Одессу, производили большое впечатлѣніе романы Вальтеръ-Скотта, и между ними въ особенности рассказъ о таинственныхъ приключеніяхъ Ричарда Львиное-Сердце, совершавшихся подъ вліяніемъ чаръ талисмана. Романъ этотъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ въ Москвѣ въ 1827 г. подъ заглавіемъ: „Талисманъ, или Ришардъ въ Палестинѣ, изъ исторіи временъ Крестовыхъ походовъ“. Умственное настроеніе современнаго общества въ сторону всего таинственнаго и чудеснаго не могло остаться безъ вліянія на впечатлительную натуру княгини Воронцовой, которая, по пріѣздѣ въ Одессу, купивъ перстень мѣстнаго издѣлія, проданный въ качествѣ талисмана, дѣйствительно вѣрила, что „въ немъ таинственная сила“, и подарила его Пушкину, чтобъ оградить его —

Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья.

¹⁾ Довольно скудныя и не совсѣмъ вѣрныя свѣденія о пребываніи Пушкина въ Одессѣ, о знакомствѣ его съ Ризничъ и о частныхъ поѣздкахъ на хуторъ Рено наводятся въ статьяхъ Зеленецаго („Москвитянинъ“ 1854, № 9; „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г., № 11, и „А. С. Пушкинъ“ П. И. Бартенева, вып. 2, стр. 95). Статьи о жизни Пушкина въ Одессѣ собраны В. А. Яковлевымъ и изданы въ 1887 г. въ Одессѣ подъ заглавіемъ: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“.

По словамъ П. И. Бартенева, „княгиня Воронцова († 1880 г.) до конца своей долгой жизни сохраняла о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнилось, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ сподрядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго тома. Она сама была одарена тонкимъ художественнымъ чувствомъ и не могла забыть очарованій Пушкинской бесѣды. Съ нимъ соединились для нея воспоминанія молодости“ („А. С. Пушкинъ“, вып. 2, стр. 97).

Чувства, волновавшія тогда Пушкина, нашли лучшее выраженіе въ прелестномъ стихотвореніи „Къ Морю“ (1824 г.), написанномъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы, которую онъ оставилъ 30-го іюля 1824 г. Прощаясь съ „свободной стихіею“, онъ обращается къ океану и повѣряетъ ему страсть, удержавшую его отъ бѣгства за границу:

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

Мысль бѣжать изъ Россіи, гдѣ удерживала поэта страстная любовь, промелькнула и въ написанной тогда же (1824 г.) L-ой строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина“:

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню вѣтрило кораблей.
Подъ ривой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...

По поводу четвертаго стиха этой строфы А. О. Россетъ рассказывалъ („Русскій Архивъ“ 1882 г., кн. I, стр. 246), что княгиня Воронцова, гуляя съ Пушкинымъ надъ моремъ, часто повторяла стихи:

Не бѣлбуютъ ли вѣтрила?
Не плывутъ ли корабли?

что дало повод Пушкину называть ее въ шутку *la princesse Belvetrile*.

Тѣ же чувства и воспоминанія, подъ вліяніемъ которыхъ написаны стихотворенія „Къ морю“ и „Талисманъ“, внушили Пушкину еще три стихотворенія, имѣющія между собою внутреннюю связь: „Сожженное письмо“; „Желаніе славы“ (1825 г.) и „Ангель“ (1827 г.), которыя Бѣлинскій справедливо относитъ къ его лучшимъ произведеніямъ („Сочиненія В. Бѣлинскаго“, изд. 2, ч. 8, стр. 397 и 399). По поводу перваго („Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...“) Анненковъ, описывая жизнь Пушкина въ Михайловскомъ, куда онъ прибылъ 9-го августа 1824 г., говоритъ, что его мысль постоянно живетъ въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ, краѣ. „Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онегина“ онъ дѣлаетъ приписку: 5-го сентября 1824 года — Une l (lettre) de ***. Сестра поэта, О. С. Павлицева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата, — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ „Сожженное письмо“. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина“ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 282). Въ стихотвореніи „Сожженное письмо“ Пушкинъ дѣйствительно упоминаетъ о перстнѣ, которымъ письмо было запечатано:

Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипить...

Но едва ли у другого лица могъ быть такой же перстень.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же воспоминаній Пушкинъ, — говоритъ Анненковъ, — „думалъ о славѣ и въ ней искалъ успокоенія для своего сердца и отмщенія за всѣ волненія и утраты“ („Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“, изд. 2, стр. 115). Мысли эти вылились въ прелестномъ стихотвореніи „Желаніе славы“ („Когда любовію и нѣгой упоенный“):

Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою

Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленія
 Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

Третье стихотвореніе — „Ангель“ („Въ дверяхъ эдема ангель нѣжный“), по мнѣнію П. И. Бартенева, также относится къ княгинѣ Воронцовой („А. С. Пушкинъ“, вып. 2, стр. 98).

Уже болѣе спокойныя воспоминанія находимъ въ началѣ четвертой главы „Евгенія Онѣгина“ которое Пушкинъ пропускалъ въ печати, какъ слишкомъ ясно выражавшее его личныя чувства. Въ третьей изъ отброшенныхъ по этой причинѣ строфъ, которыя тѣмъ драгоценнѣе при изученіи его произведеній, Пушкинъ отдается тѣмъ же воспоминаніямъ:

Я долго былъ плѣненъ одною..
 Но былъ ли я любимъ и къмъ,
 И гдѣ, и долго ли?.. Зачѣмъ
 Вамъ это знать?..

Трудно съ увѣренностью сказать, къ кому именно относятся эти строки. Анненковъ упоминаетъ о трехъ „загадочныхъ лицахъ“, къ которымъ Пушкинъ „въ разныя эпохи своей жизни обращалъ пѣсни, исполненныя нѣжнаго воспоминанія, ослабѣвшаго потомъ, но сохранившаго способность возставать, при случаѣ, съ новой и болѣею силой“, однако, не называетъ этихъ лицъ („Материалы“, стр. 78). Въ числѣ ихъ несомнѣнно находится упомянутая выше Ризничъ. Второе лицо, по предположенію Анненкова, та особа, къ которой написано въ 1824 г. стихотвореніе „Иностранкѣ“ („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 244). Но не относится ли и оно къ той же Ризничъ, также иностранкѣ? „Преданія той эпохи,—продолжаетъ Анненковъ, — упоминаютъ еще о третьей женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла мыслию и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви¹⁾. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни“ (тамъ же, стр. 244):

¹⁾ На московской Пушкинской выставкѣ находился и воспроизведенъ въ ея „Альбомѣ“ „донъ-жуанскій“ списокъ поэта, т-е. перечень всѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался, писанный въ 1829—1830 гг.; но и въ этомъ довольно длинномъ спискѣ, очевидно не назначавшемся для печати, между многочисленными Аннами, Елизаветами и Катеринами, находимъ таинственное NN.

Перо, забывшись, не рисуетъ
 Близъ неоконченныхъ стиховъ
 Ни женскихъ ножекъ, ни головокъ.
 „Евгеній Онѣгинъ“, гл. I, LIX.

Не будемъ, однако, доискиваться разгадки этой тайны, облачение которой и не имѣетъ большого значенія при изученіи Пушкина. Важны художественныя произведенія, а не имя особы, ихъ внушившей. Добавимъ только, что въ примѣчаніи къ стихотворенію „Сожженное письмо“ въ изданіи Литературнаго Фонда (т. I, стр. 344) прямо сказано, что „особа, къ которой относится это стихотвореніе, также какъ и два позднѣйшихъ: „Ангель и „Талисманъ“, и портреты которой—строгий женскій профиль съ головой нѣсколько наклоненной—такъ часто набрасывались поэтомъ на страницахъ его тетрадей, — графиня Е. К. Воронцова“.

Пушкинъ самъ вѣрилъ въ волшебную силу „талисмана“ и, „по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участіемъ перстня, испещренного какими-то каблистическими знаками и бережно хранимаго имъ“ („Матеріалы“, стр. 171). Въ письмѣ къ брату, у котораго оставались нѣкоторыя вещи поэта, онъ пишетъ, въ октябрѣ 1824 г., изъ Михайловскаго: „Пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чаадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него“. („Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 87). Въ перепискѣ съ братомъ сохранился списокъ данныхъ ему порученій, въ которомъ, между прочимъ, находимъ: „bague“. Не получая перстня, онъ повторяетъ эту просьбу въ письмѣ къ брату, въ декабрѣ того же года, приписывая на оборотѣ: „Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ“ (тамъ же, стр. 98 и 100). Воспоминанія объ Одессѣ долго не оставляютъ Пушкина въ Михайловскомъ, и въ концѣ 1824 г. онъ пишетъ княгинѣ В. О. Вяземской (женѣ поэта, † 1886), жившей тогда въ Одессѣ: „Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но—слава à Dieu—небо у насъ сивое, а луна—точно рѣпа“ (тамъ же, стр. 93).

Особенное значеніе, которое придавалъ перстню Пушкинъ высказывалось не въ однихъ его произведеніяхъ: съ этимъ же перстнемъ на большомъ пальцѣ правой руки (для другихъ онъ слишкомъ великъ) Пушкинъ изображенъ на извѣстномъ портретѣ работы Тропинина, написанномъ въ 1827 г. по заказу Соболевскаго. Недовольный приглаженными портретами Пушкина, какіе

тогда появлялись, Соболевскій просилъ Тропинина изобразить поэта, какъ онъ бывалъ чаще, въ халатѣ, растрепаннаго, съ за- вѣтнымъ перстнемъ на большомъ пальцѣ правой руки. Знамени- тый художникъ вѣрно исполнилъ задачу, удѣливъ мистическому перстню особенное вниманіе: правая рука, на большомъ и ука- зательномъ пальцахъ которой надѣты два перстня (о другомъ бу- деть сказано далѣе), лежитъ на столикѣ съ бумагами, а халатъ и другіе аксессуары показываютъ, что Пушкинъ не разлучался съ перстнями и дома во время работы. Портретъ этотъ, любо- пытная исторія котораго рассказана княземъ М. А. Оболенскимъ въ изданной имъ въ 1862 г. брошюрѣ, принадлежитъ дочери .его, княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Хилковой (Москва, Старая Ко- нюшенная, собственный домъ ¹). Грудной эскизъ портрета, при- близительно въ четверть натуральной величины, сдѣланный Тро- пининымъ, находится въ Москвѣ, въ картинной галереѣ П. М. Третьякова, но на эскизѣ, представляющемъ эту же голову, нѣтъ ни перстней, ни рукъ. Оба портрета были на московской Пуш- кинской выставкѣ 1880 г., и первый воспроизведенъ фототипи- чески въ ея „альбомѣ“, изданномъ въ 1882 г. Обществомъ лю- бителей російской словесности. Въ этомъ роскошномъ собраніи, которое въ іюль 1887 г. вышло вторымъ изданіемъ, подробно описана судьба портрета. Онъ воспроизведенъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, но неудачно и притомъ безъ ха- рактеристической особенности—руки и перстней. Только въ мо- сковскомъ „юбилейномъ изданіи“ 1887 г.: „Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина“ (въ одномъ томѣ), гравюра на де- ревь воспроизводитъ весь портретъ, т.-е. съ руками и перстнями. На московской выставкѣ находились также: копія этого пор- трета красками, принадлежащая г. Муханову, большая фотогра- фія, принадлежащая московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, и фотографія малаго размѣра, а на петер- бургской — фотографія Эйхенвальда и кабинетныя фотографіи, изъ коихъ одна издана княземъ М. А. Оболенскимъ въ Москвѣ въ 1862 г., принадлежащія императорскому лицу („Каталогъ“ петербургской выставки, стр. 5).

¹) Объ этомъ портретѣ см. „Московскій Телеграфъ“ 1827 г., ч. XV, № 9, стр. 33; „Москвитянинъ“ 1854 г., № 2, стр. 8. „О портретахъ Пушкина“ Г. Н. Геннади. „Русскій Архивъ“ 1871 г., № 1, стр. 187; „Изъ рассказовъ С. А. Соболевскаго“ Н. В. Берга; „С. Петербургскія Вѣдомости“ 1880 г., № 139; „Пушкинскій празд- никъ“; „Альбомъ Московской Пушкинской выставки“, „Биографическій очеркъ А. С. Пушкина“, А. А. Венкштерна, въ пер. изд. 1882 г., стр. 101, а во второмъ, 1887 г., стр. 98; „Новости“ 1887 г., 30 января, № 29; „Портреты Пушкина“, С. Л.

Другое изображеніе Пушкина, съ тѣмъ же перстнемъ на большомъ пальцѣ лѣвой руки, находится на портретѣ работы Мозера, принадлежащемъ Сергѣю Александровичу Шилову (Москва, Пречистенка, собственный домъ). Портретъ этотъ также былъ на московской Пушкинской выставѣ и воспроизведенъ фотогравюрою въ обоихъ изданіяхъ ея „Альбома“.

„Талисманъ“ послужилъ также сюжетомъ изданной въ Москвѣ въ 1833 г. лубочной картины, изображающей турчанку, передающую талисманъ своей наперсницѣ. Внизу напечатано все стихотвореніе Пушкина, съ переменною въ третьемъ стихѣ:

Гдѣ луна „свѣтлѣе“ блещеть,

вмѣсто „теплѣе“, какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ. Эта довольно рѣдкая гравюра, экземпляръ которой, принадлежащій П. А. Ефремову, находился на петербургской Пушкинской выставѣ („Каталогъ“ ея, стр. 18), описана имъ въ примѣчаніи къ „Талисману“ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина 1880 и 1882 гг. и упомянута В. И. Межовымъ въ его „Puschkiniana“ 1887 г. (№ 3581).

„Талисманъ“ Пушкина не остался безъ подражаній. Первымъ изъ нихъ является стихотвореніе А. Б...л...н...на: „Мой талисманъ“, въ „Сынѣ Отечества“ и „Сѣверномъ Архивѣ“ 1829 г., ч. 5, стр. 137, а вторымъ — плохое стихотвореніе: „Талисманъ“, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1831 г. (стр. 87), съ подписью Д.....а... Подъ этими буквами скрывается Додо (Евдокія) Сушкова, впоследствии графиня Ростопчина. Это было первое напечатанное стихотвореніе 19-лѣтней писательницы. Въ біографіи графини Ростопчиной („Нива“ 1887 г., № 44, стр. 108) сказано, что „первое ея стихотвореніе: „Талисманъ“, появилось въ печати безъ вѣдома автора, благодаря князю Вяземскому, въ одномъ альманахѣ за подписью: Д. С—ва“. Указаніе это относительно подписи оказывается неточнымъ.

Къ числу подражаній слѣдуетъ отнести и нѣсколько пародій на стихотвореніе Пушкина. Нѣкоторыя изъ нихъ, по своей нецензурности, распространялись въ рукописяхъ. Наибольшій успѣхъ, какъ по гладкости стиха, такъ и по игривости содержанія, имѣла въ 1840-хъ годахъ пародія, начинавшаяся стихами:

Тамъ, гдѣ мутными волнами
Мойка пачкаетъ гранитъ,
Межъ огромными домами
Зондермана домъ стоитъ ¹⁾.

¹⁾ Домъ, бывшій Зондермана, нынѣ Франка, находится не на Мойкѣ, а на Екатерининскомъ каналѣ (на углу Большой Подъяческой), названіе котораго не укладывалось въ стихъ.

Изъ напечатанныхъ назовемъ пародію Выборгскаго Пустынника: „Талисманъ, романсъ прусскаго ландвермана“:

Тамъ, гдѣ въ наши дни фельдфебель
 Данъ въ наставники уму,
 Гдѣ Либнехтъ, Якоби, Бебель
 Заключаются въ тюрьму,
 Гдѣ въ порядкѣ, властью данномъ,
 Образецъ порядка данъ,
 Тамъ мнѣ Шмидтомъ Юліаномъ
 Подаренъ былъ талисманъ...

Эта пародія напечатана въ ряду другихъ пародій на стихотворенія Жуковскаго и Пушкина подъ общимъ заглавіемъ: „Военно-поэтическіе отголоски“ („Отечественныя Записки“ 1871 г., № 1, Современное Обозрѣніе, стр. 146).

Таинственный перстень заинтересовалъ и иностранцевъ, и стихотвореніе „Талисманъ“ появилось въ нѣсколькихъ переводахъ.

Въ 1835 г. издана въ Петербургѣ книжка: „The talisman“. By Al. Puschkin. From the Russian. With other pieces. St.-Petersburg, 1835 г. Printed by Schulz and Beneze 8°. Въ 1837 г. напечатана въ Парижѣ. „La Balalayka. Chants populaires russes et autres morceaux de poésie, traduits en vers et en prose par Paul de Julvécourt. Paris. Delloye, Desmé et Cie éditeurs. 1837. 8°“. Въ числѣ 15 стихотвореній Пушкина переведенъ прозою, довольно близко, и „Талисманъ“ (Le Talisman, стр. 9). Это изящное изданіе, съ 10 гравированными на стали видами Петербурга и Москвы, составляетъ библиографическую рѣдкость. Всѣ остальные переводы явились уже по смерти Пушкина Французскій переводъ въ стихахъ сдѣланъ княжною А. Д. Абамелекъ, въ послѣдствіи вышедшей за Баратынскаго, брата поэта, и изданъ безъ означенія года вмѣстѣ съ музыкою Н. А. Титова: „Le Talisman. Romance russe. Paroles par A. Pouschkine mises en musique par Titoff, traduites en français par m^{lle} la princesse Anna Abamelek“. Пушкинъ написалъ ей въ 1832 г. известное посланіе („Когда-то, помню, съ умиленьемъ“); князь Вяземскій также сочинилъ ей посланіе въ 1833 г. („Сочиненія“ его, т. IV, стр. 176). Оба французскіе перевода указаны въ брошюрѣ В. К. Шульца: „А. С. Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей“. С.-Петербургъ. 1880. Кстати, чтобъ въ послѣдствіи не возвращаться къ музыкальнымъ произведеніямъ, назовемъ остальные на ту же тему: романсъ Н. А. Титова († 1875) на русскій текстъ „Талисмана“ напечатанъ въ Гамбургѣ у Ф. Шуберта въ собраніи лучшихъ романсовъ и народныхъ пѣсень, № 31, и въ

Петербургъ въ изданіи Стелловскаго: „Любимые романсы и пѣсни Н. Титова“, № 34. На тотъ же текстъ есть еще романсъ другого Титова (И. С.), напечатанный въ Петербургѣ у М. Бернарда — всѣ три безъ означенія года.

Возвращаясь къ переводамъ, укажемъ слѣдующіе нѣмецкіе: 1) въ „Anthologie Russischer Dichter. Metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald. Erste Lieferung. Odessa. Buchdruckerei von Nitzsche“. 1860. 8°; 2) „Russische Dichter. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. Alexander Puschkin. Berlin“; 1866. 8°. Въ собраніи произведеній Боденштедта въ 12 томахъ переводы Пушкина занимаютъ 4-й и 5-й томы. Въ первомъ изъ нихъ переведены мелкія стихотворенія (21), сказки, баллады и поэмы, а во второмъ — „Евгеній Онѣгинъ“. Переводы Боденштедта превосходны, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ „Ангель“ и „Талисманъ“, можно назвать образцовыми. Привожу замѣчательно близкій, мало уступающій подлиннику, переводъ „Талисмана“:

Wo des ew'gen Meers Geschäume
Sich an öden Felsen bricht,
Wo zur Nacht durch duft'ge Räume
Wärmer strahlt des Mondes Licht;
Wo in Haremslust verweichelnd
Selig lebt der Muselman,
Eine Zauberin gab schmeichelnd
Einst mir einen Talisman.

Und liebkosend sprach sie: wahre
Sorgsam meinen Talisman!
Kräfte brigt er, wunderbare,
Drum aus Liebe nimm ihn an.
Zwar von Krankheit und vom Grabe,
Vom Gewitter und Orkan,
Deinen Kopf und deine Habe
Rettet nicht mein Talisman!

Bietet nicht der Mahometen
Schätze dir und Reichthum an,
Die Bekenner des Propheten,
Macht er Dir nicht unterthan;
Von des Meerres öden Borden
Zu der Liebe Herzensbann,
Aus des Südens Land nach Norden
Führt dich nicht mein Talisman!

Aber wenn von schönen, schlauen
Augen Du bezaubert bist,
Oder wenn im nächt'gen Grauen
Liebelos ein Mund dich küsst:

Vor Vergessen, vor Vergehen,
Vor Verrath und Sünde dann,
Und vor neuen Herzenswesen
Schütz Dich, Freund, mein Talisman!

Продолжаемъ указаніе переводовъ: 3) „Puschkin's Talisman“. Von F. Remy. „Odessaer Zeitung“ 1874, № 20, и 4) въ „Dichtungen von Puschkin und Lermontoff in deutscher Uebertragung von Andreas Ascharin. Dorpat, Verlag von Mattiesen 1877“. 8°. „Талисманъ“ переведенъ и на турецкій языкъ Іосифомъ Эракомъ и изданъ въ 1868 г. въ Петербургѣ вмѣстѣ съ переводомъ „Бахчисарайскаго фонтана“ отдѣльною книжкою, которая составляетъ библиографическую рѣдкость. Экземпляръ этого изданія находится въ пушкинскомъ музеѣ лица. Едва ли это не единственный опытъ передачи Пушкина на турецкій языкъ. Объ этихъ переводахъ упоминается въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1869 г., № 4. Такимъ образомъ, „Талисманъ“ переведенъ: на французскій языкъ 2 раза (прозою и стихами), на нѣмецкій 4, на англійскій и турецкій по одному разу. Всѣ упомянутые переводы и романсы указаны В. Н. Межовымъ въ его „Puschkiniana“, подъ №№ 3226, 3230, 3231, 3379, 3408, 3424, 3457, 3477, 3991, 4512, 4513 и 4523. Вѣроятно, найдутся еще и другіе переводы и воспроизведенія „Талисмана“.

Кромѣ „талисмана“ Пушкинъ носилъ еще золотой перстень съ бирюзою, изображенный, какъ сказано выше, на портретахъ работы Тропинина и Мозера. Перстень этотъ былъ заказанъ для Пушкина въ 1830-хъ годахъ П. В. Нащокинымъ, который вѣрилъ въ оберегательную силу колець, и просилъ носить его, не снимая. Пушкинъ повиновался, и перстень былъ снятъ уже съ мертвой руки поэта товарищемъ и секундантомъ его К. К. Данзасомъ („Матеріалы“, стр. 313). Въ концѣ 1850-хъ годовъ Данзасъ обронилъ его, снимая перчатку, и драгоценный перстень утраченъ навсегда (Письмо Б. А. Данзаса въ „Новомъ Времени“, 7-го марта 1887 г.).

„Талисманъ“, по смерти Пушкина, достался Жуковскому, который, какъ увидимъ ниже, запечатывалъ имъ свои письма. Анненковъ говоритъ, что перстень этотъ находился во владѣніи Даля („Матеріалы“, стр. 171); Аммосовъ же, въ брошюрѣ: „Последніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина“, утверждаетъ, притомъ, будто бы со словъ самого Данзаса, что Пушкинъ, умирая, вручилъ ему „талисманъ“ на память. Но и то, и другое

невырно: у наследниковъ Даля сохранился доставшійся ему по смерти Пушкина другой перстень съ большимъ изумрудомъ, также находившійся на московской Пушкинской выставкѣ, на которую былъ доставленъ дочерью Даля, О. В. Демидовою; перстень же, доставшійся Данзасу, былъ, какъ уже выше сказано, бирюзовый. Объ изумрудномъ перстнѣ упоминается при описаніи выставки: въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ 1880 г., № 155, въ статьѣ А. П. Пятковского— „Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ“ (Приложеніе къ журналу „Народная Школа“ 1880 г., № 9), и въ книгѣ О. Б.: „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“ 1880 г., стр. 326 ¹⁾. По смерти Жуковского, въ 1852 году, „талисманъ“ перешелъ къ его сыну Павлу Васильевичу, который въ 1870-хъ годахъ подарилъ его И. С. Тургеневу. Въ 1880 г. перстень былъ доставленъ Тургеневымъ на московскую и петербургскую Пушкинскія выставки, и упомянутъ въ описаніяхъ московской („Современныя Извѣстія“ 1880 г., № 155, „Народная Школа“ 1880 г., прилож. № 9, и „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“, стр. 326) и описанъ въ каталогѣ петербургской (стр. 33). Въ „Альбомѣ“ московской выставки сдѣланъ вѣрный оттискъ сердоликовой печати знаменитаго перстня въ первомъ изданіи и во второмъ, стр. 159; причемъ въ первомъ повторено, со словъ Аммосова, что Пушкинъ, умирая, вручилъ „талисманъ“ Данзасу. Во второмъ изданіи „Альбома“ это исправлено, и сказано, что „Данзасу подарено было кольцо съ плоской, блѣднаго цвѣта, грушевидной бирюзой въ гладкой золотой оправѣ и безъ всякой надписи“. Что же касается настоящаго „талисмана“, то онъ былъ снятъ съ руки умершаго Пушкина

¹⁾ Кромѣ трехъ перстней Пушкина, нѣкоторыя изъ его вещей были распределены между лицами, находившимися при его кончинѣ (гр. Мих. Вѣльгорскій, кн. Вяземскій, Данзасъ, Жуковский, Плетневъ, А. Тургеневъ, доктора Андреевскій, Даль и Спасскій), или по какимъ-либо отношеніямъ близко стоявшими къ поэту въ послѣднее время. Кн. Вяземскій получилъ жилетъ, бывшій на Пушкинѣ во время дуэли; Спасскій—палку съ сердоликовымъ набалдашникомъ, находящуюся въ императорской публичной библиотекѣ, которой она подарена покойнымъ библиотекаремъ ея, Беккеромъ, мужемъ воспитанницы Спасскаго. Оба предмета находились на петербургской Пушкинской выставкѣ и означены въ ея каталогѣ на стр. 32 и 33. Другая палка, черная, была подарена Жуковскимъ профессору И. П. Шульгину, сыномъ котораго, Викторомъ Ивановичемъ, доставлена въ Пушкинскій музей лицея. Прострѣленный сюртукъ достался Погодину, по смерти котораго пропалъ, о чемъ упоминаетъ А. П. Пятковский („Народная Школа“ 1880 г., приложеніе № 9). Карманные золотыя часы, по свидѣтельству А. А. Краевского, посланы Гоголю; тетрадь, приготовленная Пушкинымъ для новыхъ стиховъ, доставлена, съ вписанными въ нее стихами Жуковского о смерти Пушкина, графинѣ Ростопчиной; театральннй бинокль получилъ А. А. Краевскій. По его же словамъ, вещи распределены Жуковскимъ.

Жуковскимъ (стр. 158). Въ Петербургѣ перстень Пушкина былъ выставленъ съ слѣдующей, сохранившейся у меня, запиской Тургенева: „Перстень этотъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ княгиней Воронцовой. Онъ носилъ почти постоянно этотъ перстень (по поводу котораго написалъ свое стихотвореніе: „Талисманъ“) и подарилъ его на смертномъ одрѣ поэту Жуковскому. Отъ Жуковскаго перстень перешелъ къ его сыну, Павлу Васильевичу, который подарилъ его мнѣ. Парижъ. Августъ. 1880. Иванъ Тургеневъ“.

На петербургской выставкѣ находился еще четвертый перстень Пушкина, или кольцо съ маленькой бирюзой, означенное въ каталогѣ выставки на стр. 33. Кольцо это, принадлежавшее Пушкину, было пожертвовано имъ для лоттереи, устроенной въ домѣ генерала Раевского, и было выиграно его дочерью.

„Талисманъ“, по смерти И. С. Тургенева въ 1883 г., достался г-жѣ Полинѣ Вiarдо, получившей по завѣщанію все его движимое имущество; а г-жа Вiarдо подарила перстень лицу, въ Пушкинскій музей котораго онъ доставленъ отъ ея имени 29-го апрѣля 1887 года. Туда же передано и приведенное выше удостовѣреніе Тургенева.

Въ „Новомъ Времени“ 29-го апрѣля 1887 г. напечатана упомянутая въ началѣ этого очерка статья: „Еще о перстнѣ Пушкина“, въ которой приведено письмо г. Л. съ примѣчаніемъ редакціи. Неизвѣстный корреспондентъ подозрѣваетъ, что онъ владѣетъ знаменитымъ „талисманомъ“, и что, слѣдовательно, перстень, которому посвященъ этотъ очеркъ, не принадлежалъ Пушкину. Изъ письма г. Л. видно, что его перстень достался ему отъ отца, который купилъ его у камердинера графа Бенкендорфа; у камердинера же онъ оказался въ числѣ другихъ припрятанныхъ имъ вещей и, по его словамъ, былъ доставленъ графу Бенкендорфу, по смерти поэта, въ шкапулѣ вмѣстѣ съ его бумагами. Къ письму г. Л. было приложено нѣсколько оттисковъ печати перстня, и одинъ изъ нихъ сдѣланъ на рукописи. Письмо это, по напечатаніи въ сокращеніи, было передано мнѣ, а мною препровождено въ Пушкинскій музей, въ которомъ собрано все, касающееся знаменитаго перстня. Я. К. Гротъ, сообщая въ редакцію „Новаго Времени“ полученный имъ переводъ татарской надписи на печати перстня, высказалъ, что предположеніе г. Л. о принадлежности его перстня Пушкину не имѣетъ основанія. По мнѣнію Я. К. Грота, перстень, снятый съ руки покойнаго, не могъ исчезнуть, и съ исчезновеніемъ его нельзя согласить несо-

мнѣнный фактъ, что онъ попалъ въ руки Жуковскаго. Кромѣ этихъ соображеній есть и другія доказательства подлинности перстня, хранящагося въ Пушкинскомъ музеѣ. Перстень не терялся изъ виду ни на одну минуту, и потому не могъ исчезнуть, а оттискъ его печати сохранился на четырехъ письмахъ Пушкина: къ Дельвигу 8-го іюня 1825 г., Катенину 4-го декабря 1825, Великопольскому 10-го марта 1826 и Ананьину 26-го іюля 1833 г., напечатанныхъ въ VII т. изданія Литературнаго Фонда, на стр. 132, 167, 178 и 316. Первое изъ нихъ было сообщено мнѣ Анненковымъ ¹⁾; второе, находившееся на петербургской Пушкинской выставкѣ, принадлежало тогда П. П. Каратыгину, и описано въ ея каталогѣ (стр. 49) ²⁾; третьяго я не видалъ въ подлинникѣ, а четвертое, подаренное мнѣ Ананьинымъ, писано на большомъ почтовомъ листѣ и было запечатано краснымъ сургучомъ съ отлично сохранившимся оттискомъ перстня. Замѣчательное, не столько по содержанію, какъ по оттиску печати, оно было представлено мною на петербургскую Пушкинскую выставку и описано въ ея каталогѣ на стр. 50. Этимъ перстнемъ запечатывалъ свои письма Жуковскій. У меня есть его записка къ А. П. Елагиной, помѣченная 25-го августа, безъ означенія года, запечатанная краснымъ сургучомъ съ явственно сохранившимся оттискомъ Пушкинскаго перстня. Записка эта подарена мнѣ въ 1887 г. извѣстнымъ изслѣдователемъ и комментаторомъ Пушкина, Л. И. Поливановымъ, который получилъ ее въ 1883 г. отъ самой Елагиной. Содержаніе записки совершенно незначительно, и потому не привожу ее, но печать ея доказываетъ, что перстень Пушкина, по смерти его, дѣйствительно находился у Жуковскаго. Этимъ же перстнемъ И. С. Тургеневъ иногда запечатывалъ свои письма. У меня сохранился конвертъ одного изъ нихъ съ явственнымъ оттискомъ печати. По сличеніи оттисковъ, уцѣлѣвшихъ на письмахъ Пушкина, Жуковскаго и Тургенева, и снимка въ „Альбомѣ московской Пушкинской выставки“ съ оттискомъ печати перстня, хранящагося въ лицейскомъ музеѣ, они оказываются совершенно одинаковыми, чѣмъ вполне устраняется возбужденное г. Л. сомнѣніе, а за симъ подозрѣніе, не владѣеть ли онъ „талисманомъ“ — падаетъ само собою.

¹⁾ Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина это письмо (съ мнѣніемъ о Державинѣ) напечатано съ ошибкою: „Читая его (Державина), кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника“. Въ подлинномъ — „чудснаго“.

²⁾ Въ печатныхъ редакціяхъ этого письма, послѣ словъ: „напоминаютъ Генриха V“, пропущено: „Къ тому же онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ-то лучше“.

Остается сказать, былъ ли перстень Пушкина „талисманомъ“, и разъяснить его надпись.

Талисманомъ (по-арабски *талесмъ*, по-персидски *телисмъ*—колдовство, чары) называется заколдованный предметъ, дающій владѣтелю его силу совершать сверхъестественное или предохраняющій отъ несчастія. Талисманами служатъ разные предметы: кольца, монеты, медали, драгоценные камни, дощечки, бумажки и проч. съ изреченіями изъ алворапа или другими таинственными надписями. Эти надписи, въ которыхъ и должна заключаться чародѣйственная сила, дѣлаются такъ, что можно прочесть прямо, не переводя на бумагу, посредствомъ оттиска. Надпись же на сердоликовомъ камнѣ въ перстнѣ Пушкина сдѣлана обратно, т.-е. для оттиска. Это указываетъ, что камень въ перстнѣ Пушкина не талисманъ, а просто—печатъ.

Что же она изображаетъ? Вопросъ этотъ занималъ еще Тургенева. Когда, въ 1878 г., Тургеневъ, получивъ дипломъ на степень доктора оксфордскаго университета, ѣздилъ по этому случаю въ Англію, онъ бралъ съ собою перстень, чтобъ просить какого-то знаменитаго оріенталиста разъяснить таинственную надпись. Оріенталистъ составилъ объяснительную записку, которую Тургеневъ предполагалъ доставить вмѣстѣ съ перстнемъ на петербургскую Пушкинскую выставку. Въ письмѣ ко мнѣ, отъ 13-го августа 1880 г., изъ Кабура (въ Нормандіи) въ Парижъ, онъ пишетъ: „Посылаю вамъ при семъ два свидѣтельства (о кольцѣ и волосахъ) и пришлю вамъ въ переводѣ мнѣніе оксфордскаго ученаго о надписи на кольцѣ“ („Письма И. С. Тургенева“, стр. 363). Мнѣніе это, однако, не было доставлено, и даже впоследствии не отыскано Тургеневымъ. Разбирая въ 1885 г., по порученію г-жи Віардо, вмѣстѣ съ Анненковымъ бумаги Тургенева, я вспомнилъ о запискѣ оксфордскаго ученаго, но въ бумагахъ покойнаго ея не оказалось.

По полученіи перстня въ Петербургѣ, снова возникъ вопросъ о значеніи таинственной надписи, и въ маѣ нынѣшняго года она была прочитана и переведена нѣкоторыми изъ нашихъ оріенталистовъ. По переводу академика и профессора Д. А. Хвольсона, напечатанному съ письмомъ Я. К. Грота въ „Новомъ Времени“ 4 мая 1887 года, надпись означаетъ: „Симха, сынъ пресвятѣйшаго Іосифа старика, да будетъ его память благословенна“. Переводы, сдѣланные, по моей просьбѣ, тогда же, другими лицами, совершенно согласны съ этимъ, и потому не были напечатаны. Между тѣмъ оказывается, что надпись разобрана еще въ 1880 г. и уже объяснена въ „Альбомѣ московской Пушкинской выставки“,

въ которомъ, на 168-й стр. перваго изданія и 159-й второго, при снимкѣ съ надписи перстня, сказано, что, по переводу московскаго старшаго раввина З. Минора, надпись означаетъ: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа, да будетъ благословенна его память“. Переводъ этотъ согласенъ съ недавними объясненіями О. И. Бонета, А. Я. Гаркави и Д. А. Хвольсона; но всѣ они прибавляютъ къ имени Іосифа слово: „старца“, причемъ д-ръ Гаркави объявилъ, что почеркъ надписи и титулъ „старца“ указываютъ на крымско-караимское происхожденіе перстня, а профессоръ Хвольсонъ опредѣлилъ и время работы перстня—конецъ прошлаго или начало текущаго столѣтія. Такимъ образомъ, воображаемый „талисманъ“ оказывается просто еврейскою именно печатью, на которой вырѣзано полукурсивными (раввинскими) буквами: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна“.

Княгиня Воронцова, очевидно, была въ заблужденіи относительно качества перстня, и еслибы знала о дѣйствительномъ его значеніи, конечно, не подарила бы его Пушкину, а великій поэтъ, при всемъ суевѣріи, не связывалъ бы своей судьбы съ столь обыкновеннымъ предметомъ. Но заблужденіе часто служило источникомъ художественныхъ произведеній, и безъ этого заблужденія мы не имѣли бы внушенныхъ имъ поэтическихъ строфъ Пушкина.

В. Г а е в с к і й.

ВЪСНІКЪ СЕРДЦА

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩІЙСЯ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.